

О. П. СУНИК (Ленинград): ПРОБЛЕМА АГГЛЮТИНАЦИИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Понятие и термины «агглютинация», «агглютинативный язык» были выдвинуты, как известно, не алтайстами, а индоевропеистами, исследователями индоевропейских языков, относящихся к языкам иного, флексивного типа. Но случилось, по-видимому, так, что некоторые взгляды ранних компаративистов на морфологические типы вообще и агглютинативный тип языка в особенности получили затем у многих алтайстов прошлого века большее признание, чем у самих создателей этих первых типологических концепций, стремившихся объяснить происхождение и эволюцию различных форм языка смелыми глоттогоническими гипотезами и широкими теоретическими обобщениями, основанными на материалах главным образом индоевропейских языков.

Безоговорочное следование этим гипотезам и теориям, носившим у основоположников сравнительно-исторического языкознания общелингвистический характер, приводило некоторых лингвистов-востоковедов, являвшихся одновременно и специалистами в области индоевропейского языкознания, к стремлению отыскать в грамматическом строе живых языков Востока все то, что постулировалось для далекого прошлого флексивных индоевропейских языков посредством, в частности, так называемой агглютинативной теории Ф. Боппа¹.

Попытки отдельных языковедов (в том числе и индоевропеистов) предупредить и уберечь алтайстов от пагубных последствий такого догматического подхода к изучению и описанию языковых фактов далеко не всегда оказывали воздействие, даже в тех случаях, когда эти попытки предпринимались в такой острой и убедительной форме, как это сделал полвека назад И. А. Бодуэн-де-Куртенэ в своих известных *Заметках на полях*, посвященных разбору теоретических основ одного обобщающего сочинения по морфологии тюркских языков, принадлежащего выдающемуся ученному-востоковеду акад. В. В. Радлову².

Проблема агглютинации имеет сложную и длительную историю: Ставить и решать ее следует, поэтому, имея в виду не только конкретные результаты специального исследования грамматики так называемых агглютинативных языков, но принимая во внимание также и общетеоретические выводы лингвистической науки относительно морфологических типов языков, их сходств, различий и их эволюции.

Здесь необходимо указать, не вдаваясь в детали, на три важнейших в истории науки о языке подхода к решению проблемы агглютинации.

Первый из них непосредственно связан с созданием типологической классификации языков мира (первая половина XIX в.). Агглютинация рассматривалась большинством ранних компаративистов как некий универсальный прием и определенный исторический этап образования слова и его формы — «склеиванием» в одно слово нескольких ранее самостоятельных. Именно с этой теорией агглютинации связаны представления об агглютинативном языке как о языке такого типа, в котором «материя» (корень, основа) является самостоятельным элементом, лишь внешне склеенным с «формой» (А. Потт и др.). Или, иначе, вещественный элемент, будучи обязательным минимумом агглютинативного слова, выступает и как самостоятельное слово, а его формальные элементы, по своим значениям весьма близкие элементам вещественным, не являются обязательной принадлежностью такого слова, ибо в агглютинативных языках нет еще подлинной формы, нет настоящей морфологии (Штейнталль и др.). И хотя эти странные представления о конкретных агглютинативных языках были основательно поколеблены еще О. Бётлингком, издавшим более века назад свой классический труд о якутском языке³, они повторялись в различных вариантах до недавнего времени.

Другой взгляд на агглютинацию и агглютинативные языки сложился к концу XIX в. Его отличие от глottогонической по преимуществу теории агглютинации ранних компаративистов состоит прежде всего в том, что агглютинирующие элементы слова признаются в соответствии с реальными фактами соответствующих языков (в том числе алтайских) подлинными формами — аффиксами. Такое понимание агглютинации оказывается наиболее распространенным и в наши дни: «Сущность агглютинации, — пишет, например, монголист Г. Д. Санжеев, — сводится к тому, что к основе какого-нибудь слова при любом его изменении механически наращивается или приклеивается соответствующий суффикс, причем основа всегда остается неизменной»⁴. Сходным образом характеризуют агглютинацию и некоторые наши тюркологи: «Сущность агглютинации состоит в том, — указывает Л. Н. Харитонов, — что слова и формы в языке образуются путем последовательного приставления аффиксов к корню и друг к другу, причем корень не изменяет своего первоначального вида и взятый отдельно представляет собою вполне самостоятельное слово»⁵. Агглютинация толкуется в силу этого как «единственный способ» выражения грамматических значений в тюркских и в ряде других алтайских языков. Что же касается других положений, связанных со старой агглютинативной теорией, таких, например, как отождествление корня с основой, а этих двух последних с целым законченным словом, то они сохранились без каких-либо существенных изменений. Мало также изменились и представления о форме связи («склеивании») компонентов агглютинативного слова. «Слово, построенное по принципу агглютинации, похоже на длинный поезд, где ко-

рень — паровоз, а цепь аффиксов — вагоны, „просветы” между которыми всегда отчетливо видны...», так характеризует агглютинацию А. А. Рейнфельдский⁶.

К прежним недоказанным утверждениям прибавились и некоторые новые, не менее спорные, хотя и широко распространенные в нашей литературе: утверждение об отсутствии в агглютинативном языке различия именных основ от основ глагольных, об отсутствии морфологических типов основы внутри имени и внутри глагола, о полной неизменяемости основы при наращении к ней аффиксов, о строгом моносемантизме последних и т. п.

Но существует или во всяком случае намечается и третий подход к решению проблемы агглютинации. Начало ему положил, как кажется, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ изданием упомянутых выше критических заметок на труд В. В. Радлова.

Так, уже в учебном пособии по общему языкознанию Д. Н. Кудрявский, сравнивая языки агглютинирующие с языками флексирующими, утверждал, что между ними «в сущности нет принципиального различия»⁷.

«Что считать за сущность агглютинации, — указывал акад. Л. В. Щерба, — не ясно. Разные авторы принимают разные определения... Я не могу понять, когда противопоставляют турецкие языки и, например, русский»⁸.

А. К. Боровков в специальной работе *Агглютинация и флексия в тюркских языках* писал: «Следует признать, что вполне отчетливого представления о сущности агглютинации, во всяком случае в отношении тюркских языков, пока нет»⁹. Тюркские языки, по его мнению, не являются «собственно агглютинативными»¹⁰.

Действительно, ни в одном из так называемых агглютинативных языков агглютинация не выступает и, повидимому, никогда не выступала единственным и универсальным средством образования и изменения слова. Напротив, в некоторых из агглютинативных языков, например в современном японском, роль агглютинации, по мнению А. А. Холодовича, оказывается «второстепенной»¹¹. Выдающийся советский специалист в области агглютинативных финно-угорских языков Д. В. Бубрих называл эти языки «агглютинативно-флексивными»¹². Известный специалист по иберийско-кавказским агглютинативным языкам А. С. Чикобава писал, что «флексивные языки нельзя противопоставлять агглютинативным: принципиальной разницы между ними не имеется; трудно даже их разграничить»¹³.

Известно также, что и многие зарубежные лингвисты, особенно Э. Сепир¹⁴, давно уже предлагали отказаться от традиционного деления языков на агглютинативные и флексивные. Общим местом ряда серьезных исследований оказывается вывод о наличии в агглютинативных языках элементов флексивности и, наоборот, в языках флексивных явлений агглютинации. Единственно правильным из этого факта выводом, по мнению, например, А. А. Холодовича, является следующее положение: «Нет агглютинативных и флексивных языков, но есть агглютинативные и флексивные механизмы в языке, есть агглютинативные и флексивные структуры, которые действуют с большей или меньшей силой в любом языке»¹⁵.

Итак, понятия «агглютинация», «агглютинативный язык» определяются разными авторами по-разному. Но как ни различны эти определения, в них есть также немало и общего. Все они основаны на тех

или иных представлениях о двух неоднородных, хотя и тесно связанных между собой, явлениях морфология.

Во-первых, — это представления о характере соединения различных морфологических компонентов слова — непрочное их «склеивание», отсутствие «слияния», наличие «просветов» между ними и т. п.

Во-вторых, — это представления о природе соединяемых данным способом морфологических компонентов — «лексическая самостоятельность» агглютинирующих частиц, «совпадение» слова с такими его частями, как корень или основа, «неизменность» корня или основы, грамматическая однозначность каждой прилепы (аффикса), возможность «свободного» прибавления новых окончаний к формам, уже имевшим свои окончания, отсутствие принципиального различия между аффиксом и окончанием и т. п.

Указанные представления, как нам уже приходилось об этом писать, анализируя морфологическую структуру тунгусо-маньчжурских языков, не отличаются необходимой научной точностью и объективностью¹⁶. Но именно эти представления и составляют уже на протяжении века нечто общее и устойчивое во взглядах на «агглютинативный механизм» любого языка и прежде всего, разумеется, языка, именуемого по традиции агглютинативным.

Агглютинация как способ соединения различных структурных компонентов слова обычно противопоставляется в современном языкоznании так называемой фузии (термин, предложенный Э. Сепиром) — другому способу связи, более прочному сращению компонентов, их «спайке» или «сплаву». В алтайских языках встречаются оба эти способа, хотя преобладает, несомненно, первый, свойственный, впрочем, и многим склонительным языкам, например, русскому. Но и при агглютинативном соединении морфологических компонентов в словах алтайских языков невозможно заметить каких-либо «просветов». Именно на стыках морфем чаще всего происходят различные ассимиляции, стяжение или усечение звуков¹⁷, и слово в целом оказывается как бы пронизанным от начала до конца различными фонетическими модификациями гласных и некоторых согласных звуков (сингармонизм).

Типичными примерами агглютинативных форм могут служить: казах. *attylarъta* (*at-tъ-lar-ьt-a*) 'мэим всадникам'; эвенк. *sukədəwкən-tižərgən* (*sukə-də-wkən-ti-žə-rə-n*) 'хочет заставить ударить топором'; нанайск. *sərəkənsələgudusisi* (*sərə-kən-səl-əgu-duz-si*) 'твоим маленьким соболям' и т. п. Морфологическая членимость в этих случаях осуществляется без особых затруднений, границы между морфемами ясны, значение каждой морфемы может быть достаточно четко определено, хотя попытки упрощенного сведения каждой морфемы к отдельному лексическому значению, предпринимаемые иногда в учебных целях и являющиеся определенной данью традиционной агглютинативной теории, могут дать лишь искажение фактов. Ср. псевдобуквальный перевод приведенных примеров: «лошадь + обладающий + много + мой + ему» или «топор + ударить + заставить + хочет + он» и т. п. Такие «переводы» да, возможно, еще особенность старой письменности уйгуров, монголов и маньчжиров — раздельное написание ряда аффиксов — и послужили поводом для ошибочного вывода об «изолированности» и «лексической самостоятельности» так называемых прилел в алтайских языках.

Но в алтайских языках встречаются и такие случаи, когда проведение четких границ между морфемами слова крайне затруднено или даже совершенно невозможно (в плане синхронического анализа фактов язы-

ка). Ограничимся здесь лишь одним наиболее ярким примером из эвенского языка: *orkakardur* 'своим домашним маленьким оленям (олешкам)'. Как отмечает В. И. Цинциус, чтобы расчленить это слово на составляющие его морфемы, приходится производить своего рода «фонетическую реконструкцию» его частей¹⁸: *or-ka-ka-r-d-ur* (или *or-ka-ka-r-du-r?*)<**oron-kan-kan-r-du-wur*, т. е. первичная (корневая) основа имени *or-<oron-* ('олень'), редуплицированный суффикс уменьшительности *-ka-ka<-kan-kan-*, *-r-* — показатель множественного числа, чередующийся с конечным *n* суффикса уменьшительности, суффикс дательно-местного падежа *-d<-du*, безлично-притяжательный суффикс *-r<-wur*. Подобные случаи, а они отнюдь не единичны в эвенском и встречаются в других тунгусских языках (особенно в удэйском), следует признать особой разновидностью аффиксации, а именно фузионной, или флексивной, но не агглютинативной. Весьма показательно в этом отношении образование на стыках морфем дифтонгических сочетаний, «вторичных» долгих гласных, гласных «прерывных», «аспирированных» и т. п.

Ни о каких «совпадениях» (пусть даже чисто внешних) корня, основы и целого слова в подобных случаях говорить, конечно, нельзя.

Так обстоит дело с «агглютинацией» как способом соединения морфологических компонентов слова.

Рассмотрим теперь кратко природу соединяемых данным способом компонентов.

Иллюзия совпадения таких качественно различных единиц, как корень, основа и слово, порождена, по-видимому, сознательным или неосознанным игнорированием понятия «нулевая форма», применение которого, особенно для анализа агглютинативных языков, некоторые языковеды принципиально отрицают.

Отсутствие аффиксального показателя именительного падежа имени и аффиксального показателя одной из повелительных форм глагола многие алтайцы склонны толковать либо как совпадение корня, основы и слова, либо даже как способность корня или основы выступать в качестве слова целого, вполне законченного, самостоятельного и т. п.

Напомним, что от этой ошибки предупреждал нас еще О. Бётлингк, указывавший на невозможность употребления основы как таковой в предложении, т. е. в речи¹⁹.

Справедливые замечания по этому поводу высказывали и некоторые монголисты, например Г. Д. Санжеев, писавший, что основа имени и форма именительного падежа по существу не одно и то же, хотя в большинстве случаев они в монгольских языках «внешне совпадают друг с другом»²⁰.

К таким же выводам пришли и мы, исследуя соответствующие факты тунгусо-маньчжурских языков: корень, основа и слово во всех языках, где они реально выделяются, — явления безусловно разные, хотя в некоторых случаях, причем не только в агглютинативных, но и во флексивных языках они чисто внешне могут и совпадать. Это совпадение не идет дальше состава звуков корня, основы и слова. Слово от таких образующих его частей, как корень и основа, отличает интонация законченности, свойственная всякой законченной единице речи, но не свойственная ни корню, ни основе, которые отдельно, в чистом виде, в речи не употребляются. Корень и основа материально могут совпадать, но всегда различаются по своим значениям. В отличие от корня основа, кроме так называемого реального или вещественного значения, обладает

еще и значением формальным, которое иногда выражается нулевой формой.

Не выдерживает серьезной критики также и традиционный тезис о неизменности основ и их однотипности в агглютинативных языках: морфологическое изменение основ (основообразование), связанное со словоизводством и образованием некоторых форм слова (формообразование в узком смысле этого термина), — реальный факт, подробно описанный в грамматике любого алтайского языка. Различие между основами глагола, с одной стороны, и имени — с другой, а также различие между морфологическими типами основ внутри имени и внутри глагола проводят по существу все исследователи алтайских языков.

Что касается природы так называемых формальных элементов, под которыми в алтайстике обычно понимают агглютинирующие аффиксы, то и она истолкована традиционным языкознанием искаженно. О лексической самостоятельности алтайских аффиксов не может быть и речи. Возведение их к предполагаемым лексическим прототипам — очень трудная и пока малоизученная область историко-сравнительного языкоznания. Давно уже замечено, что особенности значения и функционирования некоторых префиксов русского и немецкого флексивных языков могли бы послужить более убедительным доказательством «лексической самостоятельности» формальных элементов.

В серьезных поправках и уточнениях нуждается и тезис о моносемантизме алтайских аффиксов. Известно, что многие из алтайских аффиксов могут употребляться в различных функциях, а не всякий раз только в одной и той же единственной функции. Так, например, в монгольских языках некоторые аффиксы, квалифицируемые обычно как падежные окончания, способны выступать в других случаях в качестве основообразующих суффиксов имени: *аха* 'старший брат' (им. пад.), *аха-yin* 'старшего брата' (род. пад.), *аха-yin-dur* 'в братнике (доме)'. В последнем примере аффикс *-yin-* выступает как словообразовательный, а не собственно падежный (словоизменительный). Сходные явления можно наблюдать и в тюркских языках: турец. *ev* 'дом' (им. пад.), *ev-de* 'в доме' (местн. пад.), *ev-de-ki* 'находящийся в доме', 'домашний'. В последнем примере аффикс *-de* падежным окончанием не является. Ср. *ev-de-ki-ler-de* и т. п.

В языках тунгусо-маньчжурских многие глагольные формообразующие аффиксы в некоторых других случаях выступают в качестве формантов отыменных глагольных основ: нанайск. *ariⁿ* 'шапка', *aro-ci* — производная глагольная основа ('носить шапку'). Основообразующий аффикс *-ci-* в других случаях выражает категорию глагольной итеративности.

Но даже если оставить подобные случаи в стороне и уточнить традиционный тезис об однозначности агглютинирующих аффиксов дополнительным признаком «одновременности» — одна форма имеет только одно значение в каждом данном случае, то и при таком ограничении тезис этот окажется достаточно шатким, особенно при анализе значения и функции аффиксов-окончаний.

Так, например, в эвенском именном окончании *-dur*, приведенном выше, слиты воедино значение дательного падежа и безличной притяжательности, указывающей в то же время на множественное число субъекта принадлежности (деятеля и обладателя). Ср. *-di* — окончание того же падежа при единственном числе субъекта принадлежности.

Тунгусские безлично-притяжательные окончания, если они присое-

динены непосредственно к основе, способны одновременно выражать значение принадлежности, число субъекта принадлежности и падеж прямого объекта.

В каждом из лично-предикативных окончаний, присущих подавляющему большинству алтайских языков, можно без особых усилий обнаружить такое же количество грамматических значений (лица, числа, предикативности), как и в ряде флексивных языков, например, в формах русского глагола настоящего времени. «Вовсе не обязательно, — писал А. А. Холодович, — чтобы в так называемом агглютинативном языке формальный элемент имел лишь одно значение»²¹. Этот вывод, сделанный на материале современного японского языка, может быть, как кажется, распространен и на языки алтайские, в чем убеждает нас анализ форм ряда тунгусо-маньчжурских языков, изложенный в упомянутых ранее наших работах.

* * *

Термины «агглютинация», «агглютинативный тип», «агглютинативный язык» и т. п. прочно вошли в научный и учебно-методический обиход. Отказаться от этих терминов не может сейчас и тот, кто критически или даже нигилистически относится к традиционному толкованию тех фактов языка, с которыми тесно связаны указанные термины. Но дело, конечно, не в терминах, а в тех понятиях, которые они выражают. Аффиксацию в алтайских языках можно при желании именовать «агглютинацией», а в языках индоевропейских — «флексией», поскольку алтайские языки принято называть «агглютинативными», а индоевропейские — «флексивными». Существенно важным представляется нам другое: сохранение традиционных наименований не должно вести к сохранению устарелых и во многом ошибочных взглядов на грамматический строй языков, в частности, так называемых агглютинативных. Решение проблемы агглютинации, во всяком случае в ее синхроническом аспекте, заключается прежде всего в серьезном пересмотре ряда традиционных понятий и их определений. Этот пересмотр и разработка новых понятий и определений должны основываться на глубоком исследовании фактов языка, изучаемых методами современной науки. Что же касается вопроса о некоторых терминах, то он, на наш взгляд, существенного значения не имеет и может быть решен попутно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б. Дельбрюк, *Введение в изучение языка*, русск. перевод С. Булича, СПб., 1904, стр. 78—116 (V глава, Теория агглютинации).

² И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, *Заметки на полях сочинения В. В. Радлова: Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Turksprachen*. W. Radloff. СПб., 1906, «Живая старина», II—III, 1909.

³ О. Böthlingk, *Über die Sprache der Jakutcn*, СПб., 1851.

⁴ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, I. 1953, стр. 127.

⁵ Л. Н. Харитонов, *Современный якутский язык. Фонетика и морфология*, Якутск, 1947, стр. 84.

⁶ А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1955, стр. 214.

⁷ Д. Н. Кулрявский, *Введение в языкознание*, Юрьев, 1913, стр. 46.

⁸ Сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1956, стр. 117.

⁹ А. К. Боровков, *Агглютинация и флексия в тюркских языках*, сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», стр. 119.

¹⁰ Там же, стр. 125.

- ¹¹ А. А. Холодович, *Очерки по строю японского языка*. Автореферат докт. дисс., Л., 1949, стр. 3.
- ¹² Д. В. Бубрих, *Эрзя-мурдеский язык и урало-алтайские построения*, — сб. «Советское языкознание», ч. I, Л., 1935.
- ¹³ А. С. Чикобава, *Введение в языкознание*, ч. I, М., 1952, стр. 189.
- ¹⁴ Э. Сепир, *Язык*, перевод с английского, М.—Л., 1934.
- ¹⁵ А. А. Холодович, *Из истории японской лингвистики*, — «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка», 1941, № 1, стр. 98.
- ¹⁶ О. П. Суник, *О морфологическом составе слова в агглютинативных языках*, ИАН СССР, ОЛия, т. XVII, в. 4, 1958; *К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы*, «Вопросы языкознания», 1957, № 6; *О типах синтаксиса и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках*, «Советское востоковедение», 1957, № 6; *О происхождении морфологической структуры слова*, «Вопросы языкознания», 1959, № 5.
- ¹⁷ G. I. Ramstedt, *Einführung in die Altalsche Sprachwissenschaft*, II. Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 17.
- ¹⁸ В. И. Цинциус, *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка*, Л., 1947, стр. 11.
- ¹⁹ O. Böthlingk, *ibid.*, S. 255.
- ²⁰ Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, М.—Л., 1941, стр. 83.
- ²¹ А. А. Холодович, *Из истории японской лингвистики*, стр. 98.

По докладу выступили У. Иогансен, А. Зайончковский, А. Демирчизаде.